

Абортивное табу 1936 г.: дискуссии в региональной прессе Донбасса

¹ Елена Викторовна Стяжкина

² Ирина Михайловна Мирошниченко

¹ Донецкий национальный университет, Украина

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: elena@interdon.net

² Донецкий национальный университет, Украина

Студент

E-mail: irina.m.m@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ процесса обсуждения проекта Закона о запрещении аборт в региональной прессе Донбасса. Рассмотрены особенности хода дискуссии, характеристики ее участников, представлены основные аргументы сторонников и противников запрета аборт, проанализирован механизм формирования «необходимого» мнения.

Ключевые слова: аборт, периодическая печать, Донбасс, дискуссия.

УДК
94(47+57)0
55.26«193»

Советский Союз (до создания Союза – советские республики Россия и Украина) стал(и) первым(и) в мире государством(ами), узаконившим(и) аборт по желанию женщины. Следует согласиться с Н. Лебиной в том, что нарастающий процесс модернизации повлек за собой изменение ментальных норм общества, а потому еще в начале XX века при самодержавном строе началось становление аборта в качестве «несанкционированной нормы повседневной жизни» [1]. Но именно в 1920 – 1930-е годы стала повсеместно сформироваться так называемая абортная культура репродуктивного поведения, в которой аборт стал основным инструментом регулирования процесса рождаемости.

Однако уже к началу 1930-х годов относительная репродуктивная свобода женщин (как и любая другая свобода частной жизни) перестала вписываться в рамки «идеального» советского общества, созданием которого власть особенно активно занялась после партийных переустройств конца 1920-х годов.

«Квазидемографическая» (термин В. Исупова [2]) политика советского государства была построена на существенном противоречии: с одной стороны, высокие темпы индустриализации требовали включенности женщин в общественное производство, а эта включенность подразумевала ограничение рождаемости (в том числе и путем искусственного прерывания беременности), с другой стороны, государство нуждалось в «демографическом прорыве», а потому не беспокоилось о выпуске и пропаганде контрацептивов и в конечном итоге пришло к запрещению аборт в 1936 году.

Феномен аборта как основного регулятора процесса воспроизводства населения в Советском Союзе получил достаточно широкое освещение в современной науке. Основные его аспекты начали активно изучаться еще в советский период, однако вследствие расхождений между желательной для правительства картиной и реальной ситуацией в абортной сфере советской социальной политики данная тема была фактически закрыта вскоре после введения запрета на совершение абортной операции; разработка ее продолжалась только за рубежом [3]. В современной ситуации проблема аборта приобрела новое звучание и находится на новом этапе дискуссий, к которым подключаются религиозные и политические деятели, общественные организации, феминистские движения. Формирование очередных государственных подходов к политике контроля над репродуктивной функцией женщины обуславливает в том числе и рост интереса к историческому аспекту этих политик.

В центре внимания исследователей находится прежде всего законодательный зигзаг в отношении данной операции, когда в условиях завершающейся гражданской войны аборт был узаконен, но по прошествии всего 16-ти лет полностью запрещен [4]. Стремительная перемена юридического статуса аборта в СССР поясняется его быстрым (и неожиданным для власти) превращением в главный инструмент снижения рождаемости [5]. Как российские [5,

6, 7], так и зарубежные [8, 9] ученые сходятся во мнении относительно неэффективности принятых властью запретительных мер для урегулирования ситуации в абортной сфере, акцентируя внимание на перемещении аборта в область теневых практик. Кампания по обоснованию введенного абортного табу, также не принесшая ожидаемых результатов, проводилась посредством прессы, на которую была возложена ответственная миссия: убедить население в необходимости подобного шага [10]. Вследствие этого образцы местных печатных изданий и статистические материалы, проливающие свет на действительное положение вещей, являются основными источниками для изучения данной проблемы на региональном уровне.

Учитывая тот факт, что антиабортное законодательство декларировалось как «принятое по просьбам трудящихся», целью данной статьи является анализ обсуждения законопроекта о запрете аборт в региональной прессе. Пространством научного интереса являются особенности хода дискуссии, спектр высказанных мнений, характеристики участников обсуждения, отличия и сходства с аналогичными процессами в столичной прессе.

«Специальным постановлением ЦИК СССР законопроект [«О запрещении аборт...»] вынесен на всенародное обсуждение трудящихся нашей родины – таково реальное воплощение на практике подлинной пролетарской демократии». «Уже в первый день опубликования законопроекта он встретил самый живой, самый горячий отклик среди трудящихся нашей необъятной страны... С каждым днем ширится и нарастает поток откликов, предложений и поправок к новому законопроекту...» [11]. Так началась кампания по обсуждению актуального вопроса о запрете аборт в региональной прессе, которая в своем стремлении не отстать от всесоюзных изданий активно сообщала населению Донбасса мнения их коллег, соседей, друзей по данной проблеме. Сквозь наслоения шаблонных выражений и заранее подготовленных в «официальном стиле» мнений проглядывает реальное отношение региональной общественности к данной проблеме, несколько не совпадавшее с мнением правительства.

Характерными признаками данной дискуссии в прессе являются баланс мнений и наличие на каждый аргумент отдельного и довольно мощного контраргумента. На первый взгляд, мнения людей излагались просто, спонтанно, в порядке их высказывания корреспондентам. Однако при более подробном рассмотрении становится ясным, что, несмотря на неодинаковое количество мнений «за» и «против» операции, постоянно сохранялся определенный баланс, при котором количество положительных и отрицательных вердиктов абарту в газетном номере являлось примерно одинаковым. Ни одно положение, защищающее необходимость сохранения за женщиной в определенных случаях права на аборт, не оставалось без ответного, опровергающего все доводы предыдущего. Таким образом, создавалась иллюзия равенства мнений с постепенным уклоном в требуемую правительством сторону отрицательного отношения к абарту без возможных компромиссов. Нельзя исключить также вероятность того, что имела место «подтасовка» писем и мнений, в рамках которой «отклики» готовились совсем не теми людьми, чья подпись стояла под читательскими письмами. Непрямым доказательством таких фальсификаций служит высокий уровень осведомленности некоторых участников дискуссии (преимущественно молодых мужчин рабочих профессий) в тонкостях медицинских проблем гинекологического характера.

В период обсуждения законопроекта с 27 мая по 27 июня 1936 года в главном региональном печатном органе «Социалистический Донбасс» было высказано около 80 мнений по поводу первого пункта законопроекта. Более 60 из них принадлежат женщинам – представительницам разных социальных и возрастных групп. «Мужской голос» дискуссии в большинстве случаев был представлен сторонниками правительственной точки зрения на проблему аборт. Из 15 наиболее активных участников обсуждения 8 выступали за полный запрет операции, среди других семи мужчин – четверо соглашались с возможностью аборт только в случае «серьезной причины». Так, исподволь формировалась картина, в которой мужчины выступали в роли «сознательных граждан», что сразу поняли правильность правительственного курса. Позиция женщин, которые не поддерживали абортное табу, приобретала вид «уклона», «ошибки» и почти сразу получала от «сознательных собеседников» клеймо неправильной.

Несмотря на это, среди изложенных взглядов на проблему аборт значительную часть составили различные варианты причин, по которым право на аборт должно было быть

сохранено. Все они получили формулировку работницы мартеновского цеха Сталинского металлургического завода Адерихиной – «по семейным и другим обстоятельствам» [12], причем с характерной поправкой «в виде исключения». С ней была согласна работница артемовской типографии Дорофеева, уверенная в преждевременности ликвидации абортных комиссий, которые «должны разрешать аборт в каждом отдельном случае, исходя из семейных и бытовых условий» [13]. Подобной точки зрения придерживались детский врач Родинская, считавшая необходимым «исходить из материального положения семьи, количества и возраста детей, квартирных условий, заработка родителей» [14]; домохозяйки Чумаченко, Золотарева, Сенчунова, уверенно заявившие о том, что «нельзя заставить женщину быть матерью, если она этого не хочет или иметь много детей, если она в состоянии воспитать только двоих или троих» [15]; фармацевты Раппопорт, Шинкаренко, Чистилина, указывавшие на тот факт, что категорический запрет вызовет массовый всплеск криминальных абортов со всеми вытекающими из этого последствиями [16].

Все подобные мнения сводились к тому, что проблема аборта должна рассматриваться в индивидуальном порядке, т.е. в каждом отдельном случае вопрос о необходимости аборта должен решаться осторожно и взвешенно специальной абортной комиссией с учетом всех присущих именно этой семье и этой конкретной женщине факторов. Характерным является тот факт, что в ходе дискуссии сами женщины вообще не ставили под сомнение право контроля государства над их собственным телом, заранее согласившись, что реализацию или нереализацию их репродуктивных функций будет решать государство с помощью «абортных комиссий». Между тем власть не была готова согласиться даже на подобный вариант решения проблемы, поскольку это требовало дополнительных хлопот и издержек, большого количества времени, которого не было, главное же, не соответствовало внедряемым стандартам массовости и коллективизма, оставляло семье и женщине возможность принятия самостоятельного решения и личного выбора, которые не вписывались в логику тоталитарного и в целом патриархального государства.

При более пристальном взгляде на причины, побуждавшие читателей газет высказываться за сохранение права на аборт, можно выделить из их спектра несколько наиболее важных и убедительных, с точки зрения жителей Донбасса. В первую очередь, к ним относятся случаи, когда женщина на момент беременности имеет 2–3 и более детей. У дончанки Белы Рой – «особое мнение» по этому поводу, она полагала, что «матерям, имеющим 2–3 ребенка, не следует запрещать аборт» [17]. Жены инженеров Ушакова и Платонова считали «необходимым разрешить аборт женщинам...с 35 лет, так как им при наличии большой семьи трудно будет воспитывать маленьких детей» [18]. Жена главного инженера шахты «Красный Профинтерн» тов. Корж также была уверена в необходимости разрешения аборта «при наличии большой семьи» [19]. Наиболее откровенно свой взгляд на проблему высказала педагог М.Я. Гончарова: «Когда в семье уже 4–5 детей, можно разрешать аборт, ведь не всем же хочется иметь семью обязательно в 10 человек» [20].

Подобным образом население реагировало на действия правительства в области социальной политики, не очень поддерживая его курс на увеличение рождаемости и количества многодетных семей. Несмотря на усилия представить многодетную семью идеалом советского общества, его члены противились этому, невольно исповедуя «неомальтузианскую» стратегию сокращения рождаемости путем ее намеренного ограничения в браке. Такое отношение к частым родам и большому количеству детей в семье было обусловлено характерной для России и Украины конца XIX – начала XX вв. общей тенденцией снижения рождаемости, когда в 1899–1903 гг. среднее число рожденных детей на одну женщину равнялось 4,86 %, а в 1934–1938 гг. – 2,07 % соответственно [21].

Согласно данным Е.А. Здравомысловой, в ходе дискуссии, что проходила на страницах центральных газет партийного агитпропа, сохранение за женщиной права на аборт в случае наличия у нее детей рассматривалось участниками как легкомысленное отношение к браку, такая позиция маркировалась как «возмутительная» и разгромно критиковалась [22].

В региональной прессе эта проблема обсуждалась довольно спокойно, без крайностей и навешивания ярлыков. Вероятно, достаточная отдаленность Донбасса от столичных регионов обуславливала более прагматичный, умеренный ход дискуссии, поскольку и более слабым был контроль над ее проведением, и менее высоким был уровень «контролеров» – местных руководителей. Не исключено также, что не все организаторы дискуссии четко понимали ее цели и задачи. Или, напротив, понимали, но не считали ее сколько-нибудь значимой.

Еще одной социальной причиной сохранения права на аборт, по мнению участников дискуссии, могло стать наличие статуса учащейся или студентки у беременной девушки/женщины, особенно при условии отсутствия мужа. Для многих женщин эта причина являлась неоспоримым аргументом в пользу разрешения аборта. К примеру, домохозяйки – жены рабочих и служащих макеевских предприятий, собравшись на квартире руководительницы депутатской группы М.А. Шулепко для обсуждения законопроекта, в большинстве своем высказались за сохранение аборта именно по этой причине: «Представьте себе, девушка молоденькая, у нее – учеба, ребенок свяжет ее, да и молода она еще для материнства. Что тогда делать? Такие будут сами себя калечить...» [23]. Работница одной из горловских больниц Чернышева уверена, что «в таких случаях надо разрешать делать аборт», поскольку она не желала, чтобы ее дочь, недавно вышедшая замуж, бросила учебу из-за ребенка [24]. Из этого следует, что люди не очень верили в правительственные обещания предоставления всех необходимых видов помощи при рождении ребенка, не полагались на помощь государства, опасаясь потерять возможность получения образования и в перспективе желаемой работы.

Значительная часть обсуждающих законопроект настаивала на праве на аборт в связи занятостью женщины на производственных или общественных работах. «Полностью запретить аборт нельзя. Женщины тогда совершенно забросят общественную работу, – заявил в письме дошкольный работник-методист В.Л. Гергель, – аборт нужно разрешать женщинам, занятым на серьезных общественных работах» [25]. Его поддержал рабочий Демин, уверенный в том, что «частые случаи беременности женщин отрывают их от учебы, службы, работы на производстве и общественной работы» [26]. Уже упоминавшиеся домохозяйки Чумаченко, Золотарева и Сенчурова, колхозница Тараненко также отстаивали прерогативу производственно-общественной занятости женщины перед семейной, заявляя, что «сейчас, когда женщины активно включились в общественную работу, частые роды будут, безусловно, отвлекать их от работы и учебы» [27]. В подобной позиции просматривалась некоторая боязнь женщины, поверившей в возможность реализации гражданских прав и увидевшей в советской системе место для карьерных, материальных или иных амбиций, снова оказаться заложницей семейных обстоятельств, прикованной к кухне и детской, к мужу и его интересам. Далеко не все советские гражданки стремились выполнять правительственную задачу повышения рождаемости и укрепления семьи, у многих, особенно молодых городских жительниц, на первом плане стояли собственные, «узколичные» интересы, которые они не желали ущемлять преждевременным возложением на себя «семейного бремени».

В спектре социальных преград к запрету аборта представители трудящихся классов также выделили вариант, когда беременная женщина остается одинокой вследствие развода с мужем и не имеет возможности самостоятельно растить ребенка. В подобных случаях, по мнению техника сталинского трампарка Е.Т. Ворошилова, «нужно разрешать делать аборт» [28]. Не стоит запрещать его «лицам, имеющим малые заработки», полагала колхозница артели «Маяк коммуны» Чернобаба [29]. Эти мнения ясно свидетельствуют о недостаточности принимаемых мер по социальному обеспечению населения, которое, не будучи до конца уверенным в государственной помощи, желало обеспечить себе иные варианты решения проблемы.

Среди «защитников аборта» значительная часть ставила на первый план медицинские препятствия к его полному запрету, причем совсем не те, которые имело в виду правительство в своем законопроекте. Работница завода им. Куйбышева в г. Краматорске Стахова настаивала на необходимости разрешения аборта недавно родившим женщинам: «У меня пятимесячный ребенок, и, допустим, я опять забеременела. В таких случаях нужно разрешать аборт» [30]. Ее поддержали жена мастера депо Красный Лиман т. Костенко и жительница села Доброполье Щегуцолова, сделав акцент на разрешении аборта женщинам, кормящим детей грудью [31].

Отдельным аргументом в пользу аборта, не учтенным составителями законопроекта, была названа плохая наследственность, неизлечимые заболевания родителей, передающиеся ребенку, на что сразу обратили внимание участники дискуссии, недоумевая по поводу отсутствия данного условия в тексте закона. Педагог М.Я. Гончарова считала, что она поступила правильно, не родив больного ребенка. Имея четырехлетнего сына, она очень хотела дочку, но обстоятельства помешали: ее муж был болен туберкулезом [32]. Необходимость сохранения за женщиной права на прерывание беременности в случае обнаружения наследственных болезней отстаивали также работница Изюмской дистанции пути Иванова; жена главного инженера

шахты «Красный Профинтерн» тов. Корж; житель села Доброполье Трипузов, ограничивший список болезней туберкулезом и венерическими заболеваниями; рабочие Храповицкий и Гак, и другие [33]. Уровень развития медицины в 1930-х годах не позволял эффективно бороться с подобными заболеваниями. Население же, зная о невозможности излечения или даже облегчения возможных страданий матери и ребенка, решительно отказывалось производить на свет больных детей.

На противоположном полюсе дискуссии по вопросу абортивного табу находились сторонники полного и бескомпромиссного запрета аборта. Спектр приводимых причин, обусловивших негативное отношение части населения к данной операции, также был достаточно широким и формулировался часто в виде ответов на аргументы защитников аборта.

Обмен мнениями в прессе начался с историй нескольких женщин, пострадавших от свободы аборта. Работница шахты № 10 «Снежнянантрацит» Малыхтина в беседе со своими коллегами жаловалась на своего мужа, принуждавшего ее к абортам. Похожая история случилась со студенткой Лидией Голубенко, когда ее муж, узнав о беременности, бросил ее из-за отказа сделать аборт [34]. Домохозяйка П.С. Головина из Макеевки также поведала читателям историю спасения ребенка своей подруги путем ее переубеждения в необходимости сохранить беременность вопреки воле мужа, который затем, «целуя ребенка, говорил: «Как я не хотел тебя, и какой ты хороший!» [35]. Несомненно, подобные истории не были редкостью, поскольку после легализации аборта при условии отсутствия каких-либо иных эффективных средств по предотвращению беременности именно он стал главным средством регулирования рождаемости, вызывая семейные конфликты по поводу ребенка и часто завершаясь распадом семьи и потерей женщиной возможности иметь детей в будущем. Это стало одним из главных аргументов власти в пользу запрета аборта, однако сама проблема так и не была решена: похожие случаи происходили и позднее, средство решения проблемы осталось тем же, только переместилось «в тень».

Одним из основных аргументов в пользу запрета аборта стали его тяжелые последствия для здоровья женщины. К примеру, жительница Артемовска Клавдия Сиденко в течение своей 25-летней жизни успела сделать 5 абортов, которые превратили ее «в больную, бессильную женщину» [36]. «Почетное звание матери» вследствие частых абортов утратили многие женщины, они были яркими защитницами законопроекта, стараясь уберечь других от повторения своих ошибок. Однако главная дискуссионная баталия развернулась не по этой причине.

Наиболее острые препирательства между защитниками и противниками аборта вызвали вопросы о регулировании количества детей в семье и об учебно-производственной занятости женщины как препятствия к рождению ребенка. По поводу проблемы многодетности первыми высказались супруги Лобовко, рабочие Сталинского завода. Все их девять детей в возрасте от 5 до 23 лет – «это как бы девять рук, поднятых против аборта» [37]. В Славянске мнение семьи из 16 человек кратко и лаконично выразила жена стрелочника Бонманки: «У меня 14 вполне здоровых детей. Я еще не стара и здорова. Мы с мужем считаем, что в детях наше счастье и наше будущее» [38]. 52-летняя домохозяйка Хомякова из Горловки «счастлива, что является матерью такого большого (11) количества детей», и предлагала усилить наказание за аборт [39].

Особенно выделяются среди ряда коротких заметок полноценные истории жизни многодетных матерей. Они были своеобразными пропагандистскими акциями против аборта и публиковались как «формула женского счастья» – счастья многодетной матери. Их отличительной чертой было обязательное проведение параллели между жизнью многодетной семьи в дореволюционной и в Советской России с непременным восхвалением последней. Наталья Чебешева «не расточала здоровье на аборты», что позволило ей вырастить восемь здоровых детей. Она уверена в том, что эту возможность предоставила ей советская власть, поскольку «живя до революции в сырых, смрадных и тесных землянках вместе с многочисленными родственниками и соседями, она не в состоянии была поднять на ноги своих детей – «радость и утешение в жизни» [40]. Домохозяйка Мачковская, мать шестерых детей, вынуждена была терпеть многочисленные издевательства со стороны властей по поводу своей принадлежности к еврейской нации, будучи до революции вместе со своими детьми «бесправными и гонимыми». «Сейчас, – утверждала она, – все трудности отпали. Сейчас многодетной семье законы дают все льготы и преимущества... О всех детях, как отец родной, беспокоится наш родной и любимый Сталин» [41]. Материнские чувства

этих женщин активно эксплуатировались прессой в целях пропаганды правительственного курса на увеличение рождаемости. Однако должного эффекта эти меры не принесли: процесс снижения рождаемости и рост абортных показателей так не удалось остановить. Лозунги типа «растить и воспитывать большую семью» не находили активной поддержки большинства населения, и власти приходилось стимулировать его путем соответствующих законодательных мер.

Учебно-производственная занятость женщины, по мнению сторонников сохранения аборта препятствующая рождению и воспитанию детей, совсем не рассматривалась в подобном ракурсе его противниками. «Личный опыт» студенток А. Коган и Д. Дубровской «убедительнее всего доказал, что дети нисколько не мешают учебе», напротив, они «внесли много светлой радости в нашу студенческую жизнь». Девушки получили от директора Донецкого индустриального института отдельные комнаты в семейных общежитиях, с соответствующими удобствами и за счет государственной стипендии сумели воспитать... здоровых и крепких детей [42]. Грузчице Мариупольского порта М.Г. Краус «дети нисколько не мешают работать на производстве и быть стахановкой, ... учиться в школе и активно участвовать в общественной работе» [43]. Н.П. Таран, совхоз № 10 в Сватово, поспешила опровергнуть собственным опытом тезис о том, что «дети угрожают личной жизни». Они «не мешают [ей] работать на производстве и нести нагрузки председателя культсекции, соцсовместителя прокурора, парторга» [44]. Тов. Арабаджиев также уверен, что «надо просто помогать семейным студентам, создавать им лучшие условия» [45].

Отдельно необходимо отметить проблему аборта в случае, когда беременность женщины являлась первой. Запрет на ее прерывание впервые был наложен властью еще в 1926 году и вплоть до введения полного абортного табу не снимался. Значительная часть региональной общественности, не отказываясь при этом от аборта полностью, считала крайне важным запретить данную операцию впервые забеременевшим женщинам. Такого мнения придерживались, к примеру, работник шахты № 1 в Щегловке В.И. Костюченко, утверждавший, что «ни в коем случае нельзя разрешать аборт женщинам, рожаящим в первый раз» [46]; житель Доброполя В. Толок, считавший необходимым подвергать суровому наказанию женщин, не имеющих детей и делающих первый аборт [47], и другие.

Среди контраргументов, выдвинутых против доводов сторонников сохранения свободы аборта, следует отметить также ситуации, когда плохие материальные условия или развод с мужем становились для женщины причинами совершения аборта. «Подлинно советские граждане» были всецело уверены в том, что жалобы многих их соотечественников по этому поводу являются «гнусной клеветой». «Рожать надо каждой здоровой женщине, – утверждала колхозница Воробьева, – а нуждающимся всегда будет оказана помощь» [47]. Жительница Лисичанска Заикина была твердо уверена в том, что в случае измены мужа «на стороне женщины всегда советский закон. Ей помогут в устройстве на работу, в определении детей в ясли и пр., а разрешением делать аборт не замедлят воспользоваться многие «одиночки», которые несерьезно относятся к семейной жизни» [48].

Таким образом, правительственная инициатива полного запрета аборта вызвала неоднозначную реакцию жителей Донбасса. Несмотря на четкую позицию власти в данном вопросе, у населения не возникло большого энтузиазма по поводу первого пункта законопроекта, и значительная его часть выдвинула массу аргументов в пользу сохранения за женщиной хотя бы частичного права на аборт в силу ряда объективных причин, многие из которых власть упорно не хотела признавать.

В ходе дискуссии и противники, и сторонники запрещения аборта делали акцент на материальных проблемах, мешающих женщине познать радость материнства, и практически не затрагивали «духовные» и «правовые» стороны вопроса – «право плода на жизнь» и право женщины на контроль над собственным телом. Все участники дискуссии исходили из убеждения, что любая женщина непременно желает быть матерью, и сходились на том, что разрешать аборт следует в ограниченных случаях, причем перечень этих случаев был довольно широким.

Интересен и другой момент: повседневные практики женской жизни в 1920–1930-е годы были не в полной мере ориентированы на закон. Следует признать, что и в годы разрешения абортов женщины прибегали к этой операции, минуя «женсоветы», «абортные комиссии» и часто – лечебные учреждения. В дискуссии о запрете абортов такие женщины вряд ли принимали участие. Но количество абортов, зафиксированных властью «вне лечебных учреждений» Донецкого региона в 1937–1940 гг. (в 1937 г. – 42090, в 1940 г. –

30957 [49]), свидетельствует, скорее, не об уходе практик «в тень», а только об увеличении масштаба этой «тени».

Следует констатировать, что сторонники полного запрета выработали серию контраргументов, сходных, но менее агрессивных в подаче в сравнении с аргументами, приводимыми в центральной печати. Прения были не слишком жаркими и результатов не принесли, и народные поправки в итоге не попали в окончательный вариант закона. Очевидное неприятие идеи тотального запрета на аборт в обществе не было принято во внимание властью, поступившей исключительно по своему усмотрению, что в очередной раз продемонстрировало декларативный характер идеи «обсуждения» заранее готового закона.

Примечания:

1. Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 229.
2. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
3. Кон И.С. Аборт или контрацепция? / И.С. Кон. Сексуальная культура в России: клубничка на березке [Эл. ресурс]//Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/chapt611.html> - 11.03.2012
4. Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 432 с.
5. Сакевич В.И. Аборт – кривое зеркало демографической политики. Доклад на семинаре в Центре демографии и экологии человека 22 октября 2001. Демоскоп Weekly. 25 августа – 7 сентября 2003, № 123-124 [Эл. ресурс]//Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123 /analit01.php> - 23.02.2012
6. Белобородов И.И. Аборты в России: история, последствия, альтернативы [Эл. ресурс]//Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html - 14.01.2012.
7. Демографическая модернизация России: 1900–2000/ Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 601 с.
8. Goldman W. Women, Abortion, and the State, 1917–1936 // *Russia`s women: accommodation, resistance, transformation/* edited by Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. 293 p.
9. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пангина]. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 336 с.
10. Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура. Демоскоп Weekly. 8–21 февраля 2010, № 409-410 [Эл. ресурс]//Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2010 /0409/ analit01.php#_FN_1 – 13.01.2012.
11. На широкое обсуждение трудящихся // Социалистический Донбасс. 1936. 4 июня. С. 3.
12. Поправки и дополнения мартеповцев // Социалистический Донбасс. 1936. 1 июня. С. 3
13. Исходить из семейных и бытовых условий // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
14. Наше мнение // Социалистический Донбасс. 1936. 6, 9–10 июня. С. 2.
15. Запрещать аборты не следует // Социалистический Донбасс. 1936. 6 июня. С. 2.
16. Не всегда надо запрещать аборты // Социалистический Донбасс. 1936. 16 июня. С. 2.
17. В родильном доме // Социалистический Донбасс. 1936. 1 июня. С. 3.
18. В каких случаях разрешать аборты // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
19. Наше мнение // Социалистический Донбасс. 1936. 6, 9–10 июня. С. 2.
20. Мне кажется, что я сделала правильно // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
21. Goldman W. Women, Abortion, and the State, 1917 – 36// *Russia`s women: accommodation, resistance, transformation/* edited by Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. P. 178.
22. Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура. Демоскоп Weekly. – 8-21 февраля 2010, № 409-410 [Эл. ресурс]//Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2010 /0409 /analit01.php#_FN_1 – 13.01.2012.
23. Разговор по душам//Социалистический Донбасс. 1936. 1 июня. С. 3.
24. Наше мнение // Социалистический Донбасс. 1936. 6, 9–10 июня. С. 2.
25. Обязательно регистрировать брак // Социалистический Донбасс. 1936. 8 июня. С. 2.
26. Частые роды будут отвлекать женщин от учебы // Социалистический Донбасс. 1936. 15 июня. С. 2.
27. Запрещать аборты не следует // Социалистический Донбасс. 1936. 6 июня. С. 2.
28. Должны быть исключения // Социалистический Донбасс. 1936. 6 июня. С. 2.

29. Обязательно регистрировать брак // Социалистический Донбасс. 1936. 8 июня. С. 2.
30. В каких случаях можно разрешить аборт // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
31. Споры по первому разделу // Социалистический Донбасс. 1936. 9 июня. С. 2.
32. Мне кажется, что я сделала правильно // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
33. Наше мнение // Социалистический Донбасс. 1936. 6, 9–10 июня. С. 2.
34. Большая подмога. Сердце наполняется радостью // Социалистический Донбасс. 1936. 30 мая. С. 3.
35. Побольше серьезного отношения // Социалистический Донбасс. 1936. 6 июня. С. 2.
36. Аборт – страшное зло // Социалистический Донбасс. 1936. 9 июня. С. 2.
37. В многодетной семье // Социалистический Донбасс. 1936. 1 июня. С. 3.
38. Голос отцов семейств // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
39. Усилить наказание за аборт // Социалистический Донбасс. 1936. 8 июня. С. 2.
40. Дети – радость и утешение // Социалистический Донбасс. 1936. 18 июня. С. 2.
41. Строже судить! // Социалистический Донбасс. 1936. 4 июня. С. 2.
42. Совместимо! // Социалистический Донбасс. 1936. 3 июня. С. 2.
43. Дети не помешали учиться и работать // Социалистический Донбасс. 1936. 8 июня. С. 2.
44. Дети не мешают в работе // Социалистический Донбасс. 1936. 6 июня. С. 2.
45. Наше мнение // Социалистический Донбасс. 1936. 22 июня. С. 2.
46. Ребенок – счастье семьи // Социалистический Донбасс. 1936. 9 июня. С. 2.
47. Споры по первому разделу // Социалистический Донбасс. 1936. 9 июня. С. 2.
48. Тов. Волошинов не прав // Социалистический Донбасс. 1936. 10 июня. С. 3.
49. Государственный архив Донецкой области. Ф. 4249, оп. 1, дд. 187, 308, 436.

Abortive Taboo of 1936: Debates in Donbass Regional Press

¹ Elena V. Styazhkina

² Irina M. Miroshnichenko

¹ Donetsk National University, Ukraine

Dr. (History), Professor

E-mail: elena@interdon.net

² Donetsk National University, Ukraine

Student

E-mail: irina.m.m@mail.ru

Abstract. The article analyses the process of discussion of the Bill on Abortion in Donbass regional press, considers the discussion, its participants, presents major arguments of abortion opponents and supporters, analyses the mechanism to manage opinion formation.

Keywords: abortion, periodical press, Donbass, discussion.

UDC
94(47+57)05
5.26«193»